

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

© 2007 г.

Н.В. Шалютина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

shalut@pisem.net

Поступила в редакцию 22.03.2007

Статья посвящена актуальной теме – возможности существования культурного плюрализма в условиях глобализации. Анализируя процессы культурной интеграции и дифференциации, автор приходит к выводу, что глобализация не ведет к унификации культур, а является побудительным мотивом для межкультурного диалога на основе ценностей постмодерна.

Одним из самых неоднозначных социальных процессов последних десятилетий, вероятно, является процесс глобализации, который, по мнению большинства исследователей (например, Л. Склэра, Э. Гидденса, У. Бэка, М. Уотерса), протекает по трем взаимосвязанным направлениям: экономическому, политическому и культурному. При этом если в отношении политической и экономической глобализации у исследователей наблюдается некоторый консенсус, например, глобализацию в политической сфере, как правило, связывают со снижением суверенитета национальных государств (У. Бэк), а в экономической сфере с наступлением нового типа капитализма, ключевым элементом которого являются выходящие из-под национально-государственного контроля ТНК (Р. Кеохане), то в отношении культурных аспектов этого процесса единой точки зрения не существует. Вторгаясь в культурную сферу, затрагивая личностно-индивидуальный уровень, процесс глобализации приобретает особый смысл. С одной стороны, широко распространено мнение о том, что культурным стержнем глобализации является западная культура, поглощающая все остальные, с другой стороны, следует признать сложный и неоднозначный процесс формирования глобальных культур, как правило, берущих начало в национальных и региональных. Цель данной работы – выявить различные аспекты взаимовлияния глобализации и культуры и понять, возможен ли плюрализм культур, или глобализация ведет к их унификации.

Прежде чем говорить о наличии или отсутствии культурного плюрализма в условиях глобализации, необходимо обозначить то содержание, которое вкладывают в понятия «культура» и «цивилизация» современные культурологи. По мнению специалистов, культура представляет собой « всю совокупность материальных и духовных

ценностей, созданных на нашей планете и образующих ее «вторую природу». Она всегда обращена к человеку и реализуется в области его отношений с естественной средой, другими людьми и самим собой» [1, с. 14], поэтому очевидно, что индивид воспринимает реальность исключительно через призму культуры. В свою очередь, цивилизация является «определенным уровнем развития культуры и рассматривается в качестве пространственно-временного среза ее функционирования» [1, с. 25].

Существуют определенные, научно выявленные механизмы взаимодействия культур, на каком бы уровне оно ни осуществлялось (на цивилизационном, межгосударственном или национальном), при этом определенную сложность для исследователя представляет попытка проследить историческую динамику отражения в человеческом сознании процессов интеграции и дифференциации культур. В продолжительной перспективе эти механизмы действуют одновременно, находясь при этом в постоянном единстве и противоборстве. Это движение к центру и от центра, к объединению и к разъединению, к выявлению общего и отличного, видимо, началось еще на заре цивилизации. Тогда же начали формироваться и стереотипы восприятия «иного» и «чужого». К примеру, варвару трудно было добиться славы в Древней Греции, а для жителей Древнего Египта «чужой» вообще не был человеком. Значительно позднее, с развитием антропологической революции, возникает представление (в значительной степени идущее от немецких ученых) о том, что иное, непривычное, чужое не менее очеловечено, чем привычное, свое. К этому времени уже появились две объединяющие идеи Реформации: идея Возрождения, восстанавливающая непрерывность развития культуры в пространстве и времени, и идея

Просвещения, «утверждающая равенство всех людей в разуме (не случайно Просвещение приобрело форму интернационального интеллектуального движения и охватило не только страны Запада, но и Восток)» [2]. Казалось, эти две идеи могли бы стать опорой для всеобщего единения. Но этого, как известно, не произошло.

В XIX в. возникают теории, провозглашающие наличие лидирующей цивилизации, имеющей право продвигать себя любыми способами, в том числе политическими и колониальными. То же XIX столетие становится свидетелем возникновения научных школ, заговоривших о сосуществовании различных цивилизаций, живущих рядом и имеющих одинаковое право на существование: так, автономные культуры, существующие в мире, призывает различать Н. Данилевский.

Идея многообразия культур продолжила развитие в XX веке (например, у А. Тойнби); получила широкое распространение концепция культурного шока, где фиксируется потеря ориентации человека в чужой культуре (А. Тоффлер); выдвигается популярная ныне точка зрения С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, о возникновении линий будущих конфликтов там, где проходят цивилизационные разломы; появляется ноосферная концепция культуры В. Вернадского, которая приводит нас к заключению, что у сферы разума, у той оболочки Земли, которая порождена культурной деятельностью человека, действительно нет границ.

Появление понятия «глобализация» и развертывание глобального дискурса об этом процессе во второй половине XX века еще более обострило вопрос о сосуществовании различных культур и цивилизаций. В самом общем смысле под глобализацией можно понимать процесс усилившейся глобальной взаимозависимости государств, экономик, культур, характеризующийся «сжатием мира и интенсификацией осознания людьми мира как единого целого», где земной шар становится «всемирной деревней», сопровождаемый ускорением темпов протекания процессов во всех сферах общественной жизни. При этом, следуя логике Р. Робертсона, в процессе глобализации выявляются две направленности: «глобальная институционализация жизненного мира и локализация глобальности» [3, с. 58].

Глобальная институционализация жизненного мира явно толкуется как организация повседневных локальных

взаимодействий и социализации непосредственным (минуя национально-государственный уровень) воздействием макроструктур мирового порядка. Макроструктурирование мирового порядка происходит, по мысли Робертсона, под действием трех факторов: экспансии капитализма, западного империализма и развития глобальной системы масс-медиа. Для жизненного мира индивидов и локальных сообществ совокупное действие трех факторов оборачивается экспансией «общечеловеческих ценностей», распространением стандартных символов, эстетических и поведенческих образцов.

Результаты ряда социологических исследований, проведенных в целях выяснения направленности изменений ценностных ориентаций в тех или иных цивилизационно-культурных ареалах, объединенных общей историей, а также общими компонентами религиозного сознания, продемонстрировали наличие повсеместного, неуклонного движения во вполне определенную сторону. Скорости и векторы этого движения в разных странах и регионах неодинаковы, по-разному они представлены в отдельных социально-демографических группах (мировосприятие молодежи отличается от взглядов на жизнь старшего поколения; неодинаково строится ценностная шкала у богатых и бедных), находясь в очевидной зависимости от особенностей политики, экономики и культуры.

Однако общее направление движения заметно: в сознании людей все активнее утверждаются модернистские и постмодернистские ценности и нормы. Не вдаваясь в подробный анализ феномена постмодернизма и его влияния на сознание наших современников, приведем лишь самые яркие его черты: приоритет рационального типа мышления и рационалистического подхода к решению основных онтологических проблем человеческого существования с опорой на научно-технический прогресс; культура массового престижного потребления и индивидуализма. «Если обратиться к анализу западной культуры, оказавшей и продолжающей оказывать в последнее время сильнейшее влияние на умы и сердца многих образованных россиян, то трудно не заметить в ней противоречивого синтеза космоцентрической и эгоцентрической культур при безусловном приоритете последней» [4, с. 37]. Эгоцентрическая культура, по мнению Иосифа Дзялошинского, характеризуется

стремлением личности к самоутверждению, свободе мыслей, эмоций, действий, творчества.

В высказываниях отечественных и зарубежных авторов звучит тревога по поводу того, что под воздействием глобализации происходит культурная унификация, «макдональдизация», охватывающая практически весь земной шар. Подобная усредненность, выравнивание ведут к исчезновению очагов культурной самобытности, и, следовательно, лишают человечество важнейших источников развития. Процессы глобализации способствуют распространению культурных моделей, которые подаются как общезначимые в рамках единого информационно-коммуникативного поля. Сокращение роли государства проявляется при этом в том, что многие символы идентичности формируются за пределами традиционного культурного наследия. Идентичность осознается в сопоставлении «своего» и «чужого», но оно же может служить основой нарушения идентичности. Границы «своего» и «чужого» постепенно стираются, среди различных групп распространяются однообразные стандарты и символы. СМИ, миграционные потоки, глобализация распространения культурного продукта привносят альтернативные стили, образы, символы, ценности, стандарты поведения, сформировавшиеся как элементы чужеродных культур. В процессе заимствования они вытесняют многие традиционные элементы культуры, кажущиеся непривлекательными и невостребованными. Закономерно происходит стирание различий не только в одежде или пище, но и в культурных и поведенческих стереотипах, которые нередко навязываются чужеродной культурой. Ориентация на инородные образцы изменяет «культурный» облик отдельных социальных групп и общества. Само общество при этом распадается на множество слабо интегрированных групп, отличающихся различными критериями идентичности.

В условиях глобализации «культура стала общеупотребительным синонимом идентичности, её характерным и определяющим признаком» [5, с. 1]. Как уже отмечалось, культура всегда была знаком социальной дифференциации, а в настоящий момент она превратилась в арену интенсивных столкновений политических и экономических интересов.

Экран телевизора или монитора позволяет отдельно взятому человеку независимо от его

географического местоположения получить доступ к социальному и культурному опыту других народов, познакомиться с традициями и обычаями иных культур. Таким образом, формы видения мира становятся значительно более многообразными, нежели в совсем недавнем прошлом. Несомненно, подобное соприкосновение с иными культурными традициями накладывает свой отпечаток на национальные и религиозные основы жизнедеятельности, стимулирует эрозию традиционных местных, этнических, национальных начал, корректирует восприятие культурных архетипов, на которых основано каждое общество. «Связывая людей в громадные наднациональные сообщества с гигантскими ядрами городов и рынками в миллионы человек, информационно-коммуникационные сети побуждают жить и потреблять однотипным образом» [6, с. 41].

Наряду с уже отмеченным однонаправленным движением, социологические исследования продемонстрировали очевидный откат, обнаруженный в некоторых странах и регионах, в сторону ориентации на традиционалистские ценности.

Начинается поиск стабильных, проверенных ориентиров. Таковыми ориентирами чаще всего выступают элементы традиционной этнической культуры, «культурное наследие», которые, возможно, знаменуют закат европоцентристской модели мира. С одной стороны, это связано с усилением влияния таких стран, как Китай, Индия, Россия, Пакистан, Иран, Ливия. С другой стороны, процесс «обратной глобализации», при котором периферия перемещается в центр, продолжится, пока «крупным капиталистическим либеральным демократиям, таким как США и государства Европы, по-прежнему будет нужна дешевая рабочая сила из других стран» [5, с. 217].

Обращение к культурному наследию не означает исчезновения западной рационалистической цивилизации, а является механизмом использования в новых условиях достижений и исторического опыта данной культуры. Современные условия определяют необходимость постоянной «расшифровки» прежнего культурного опыта, его переоценки и приспособления к новой ситуации. Обращение к культурному наследию призвано обеспечить поддержание привычных символов, норм и ценностей, сложившихся в обществе. Следование этим образцам, проверенным

многолетней практикой, обеспечивает привычные условия жизни, самобытность культуры. Стремление поддержать элементы национальной идентичности реализуется в некоторых случаях на государственном уровне. Во Франции, например, приняты законодательные акты, защищающие французский язык, установлен порог французского и европейского участия в теле- и радиовещании; подобные же ограничения приняты в Китае.

С этим феноменом столкнулась и Россия, где в настоящий момент мы можем отчетливо увидеть проявившееся в общественном мнении стремление к выявлению и выделению национально-индивидуального, к выражению своего «я» в этноконфессиональном контексте. Множество подтверждений этого процесса содержится в текстах массмедиа: за последние годы появились публикации о возрождении православия, об уважении к языку, о сохранении компонентов менталитета, которые отличали и продолжают отличать ту или иную национально-культурную общность. Не случайно бытует мнение, что отечественный постмодернизм носит ностальгический характер.

Дистанция между культурой постиндустриального общества, разделяющего постматериалистические ценности, основанные на формировании и поддержании творческого начала в социуме, и культурами развивающихся стран, где по-прежнему актуальны материалистические ценности в силу медленных темпов экономического развития, низкого уровня социального благополучия, политической нестабильности – причин, ограничивающих возможность полноценного участия в диалоге, сохраняется. «Сознательный изоляционизм» в данном случае – выражение фобии, а не категорический отказ от диалога, или, что в большей степени вероятно, вынужденная локализация.

Ценности выживания в условиях борьбы за удовлетворение элементарных потребностей, которые еще не сняты с повестки дня для большей части населения планеты, постепенно уступают место тем, которые связаны со стремлением к самовыражению, самости, с выявлением и проявлением своего «я» в тех или иных виртуальных формах. И эта самоактуализация происходит одновременно с формированием толерантного отношения к другим, в том числе к представителям иных цивилизационно-культурных общностей. Ярким примером подобной повседневной

толерантности служит плакат, созданный в конце 60-х годов во Франкфурте-на-Майне, публикуемый сегодня в немецких школьных учебниках и представленный в музейных витринах и на уличных рекламных тумбах:

«Твой Иисус – еврей

Твой автомобиль – японский

Твой кофе – бразильский

Твои цифры – арабские

Твои буквы – латинские

Твоя демократия – греческая

Твой сосед после этого всего – лишь иностранец?»

При этом нельзя сказать, что подобный пример толерантности является характерным, а всеобщая стандартизация образа жизни и типовой набор правил поведения обеспечивают подлинное единомыслие и понимание представителей разных культур. К примеру, недавние события, получившие в прессе меткое название «карикатурная война», обнаружили подводные рифы межкультурной критики и диалога. На сегодняшний день множество проблем порождает тот факт, что межкультурные контакты резко возросли, а степень взаимопонимания к настоящему моменту объективно не достигла должного уровня. Если обратиться к другим аспектам усиления позиций традиционализма, в частности исламского, то они часто трактуются как неизбежная реакция на мощную волну внедрения западных ценностей и образа жизни под влиянием глобализации. При этом мы сталкиваемся с парадоксом: антиглобализм в современном его выражении наиболее интенсивно проявляется именно в странах Запада, в частности Западной Европы.

Включение в повседневную жизнь локальных культур, с точки зрения модели глобализации Робертсона, является признаком локализации глобальности, то есть вторым направлением глобализации, призванным отразить тенденцию становления глобального не «сверху», а «снизу». В мультикультуральных локальных сообществах категории «международные отношения», «столкновение цивилизаций» и так далее оказываются практическими категориями взаимодействия. В этом случае термин «глобальное» – это и «интернациональное», и «субнациональное», и «локальное» в той степени, в какой последнее превращает повседневную жизнь людей в переживание глобального. Чтобы подчеркнуть то, что глобализация – процесс двусторонний, связанный со взаимовлиянием глобального и локального, Робертсон ввел термин:

«глокализация». Теория глокализации показывает, например, что усвоение жителями не американского общества и, шире, не западного общества рекламы и факта единства мира из глобальных СМИ ведет к усилению их ориентации на свою национальную (локальную) культуру [7, с. 50]. В свою очередь, местные обычаи и стили жизни на современном этапе имеют глобальные последствия, при этом происходит интервенция локального в глобальные процессы.

Итак, мы отметили существование в условиях глобализации двух взаимосвязанных культурных потоков, которые имеют центробежную и центростремительную природу. Это процессы культурной интеграции и дифференциации, в которых отобразилось реальное многообразие действительности и возможных прогнозов будущего. Один из возможных прогнозов – культурный плюрализм на основе культуры постмодерна. К примеру, Э. Гидденс, анализируя последствия интеграции для национальных государств, заключает, что в результате глобализационных процессов формируются новые культурные зоны внутри одной страны или в рамках нескольких стран. Полистилизм культурных форм, ценностей, норм, поведенческих императивов – манер целеполагания – предполагает возникновение межкультурных коридоров, т.е. нейтрального пространства, снимающего противоречия взаимодействующих культур. В ряде случаев эту роль играет именно культура постмодерна (как исторический тип культуры), ориентированная на многообразие манер и способов презентации и истолкования

культурного опыта. Глобализация в области культуры имеет ярко выраженную тенденцию к унификации локальных сообществ, что проявляется в распространении общих ценностей, норм, стандартов, идеалов, отчасти имеющих универсальный характер. В этом смысле можно говорить о возможности формирования плюралистической идентичности — идентичности, строящейся по принципу «единство в многообразии», при котором «местные» культурные формы частично инкорпорируются в глобальное пространство. В этой связи можно говорить о «колонизации наоборот» [8, с. 33], что означает влияние стран, не относящихся к Западу, на развитие событий в западных странах, например, латиноамериканизация Лос-Анджелеса, возникновение глобально ориентированного высокотехнологичного сектора в Индии или продажа бразильских телепрограмм в Португалию. В отдельных аспектах можно говорить о синтезе культур, с сохранением в процессе активного заимствования некоторых самобытных культурных особенностей (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур). Важно отметить и то, что помимо универсальных ценностей в процессе аккультурации широко распространяется приобщение к элементам чужеродных культур в широком смысле слова.

Список литературы

1. Культурология. – М.: Наука, 1983. 435 с.
2. Виноградова С. Культурное разнообразие в современном мире. <http://courier.com.ru/homo/index.html>

GLOBALIZATION AND CULTURAL PLURALISM

N.V. Shalyutina

The issue is focused on actual theme – an existence of cultural pluralism in conditions of globalization. Analyzing processes of cultural integration and differentiation, the author comes to conclusion, that globalization doesn't cond to unification of cultures, it is more likely a motive for intercultural dialogue on the basis of values of a postmodern.

3. Глобализация: контуры XXI века. Под ред. Ю.И. Игрицкого. – М.: Рефл-бук, 2004. 58 с.
4. Дзялошинский И. Культура, журналистика, толерантность // Материалы научно-практической конференции «Пресса, государство, культура: мультикультурализм как новая философия взаимодействия». – М., 2002. 117 с.
5. Бенхаbib С. Притязания культуры. – М.: Логос 2005. 289с.
6. Московичи С. Наука о массах. // Психология масс. Хрестоматия. – М.: Наука, 2001. 317 с.
7. Цит по. Robertson R. Globalization or glocalization?// Robertson R. White K. E. (Ed.) Globalisation. Critical concept in sociology. Volume III, London 2003, 214 p.
8. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. 108 с.